

У ИСТОКОВ СОВЕТСКИХ УЗИЛИЩ

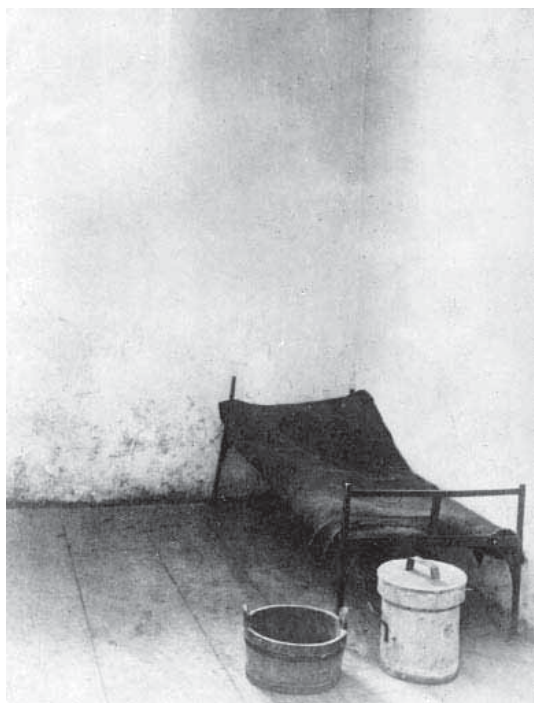
Пензенские тюрьмы продолжали захлебываться потоком арестантов. ЧК лихорадочно запрашивала сведения о состоянии и вместимости уездных арестных домов, о количестве заключенных в них. Но отчеты тюремных начальников свидетельствовали о полной неподготовленности мест заключения для массовых поступлений. Это обстоятельство заставило Наркомат юстиции РСФСР принять курс новой – лагерной политики. Предполагалось создать целую систему мест заключения, где расходы на содержание заключенных покрывались бы доходами от их труда.

Начиная с 1919 года, при Совете Народных Комиссаров все большую значимость приобретал Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД). В апреле 1919 года в системе НКВД было создано Центральное управление лагерями принудительных работ, переименованное в 1920 году в Главное управление принудительных работ (ГУПР). В системе НКЮ также произошли изменения: Центральный карательный отдел в связи со сбавлением оборотов террора стал Центральным исправительно-трудовым отделом. Оба ведомства, как НКВД, так и НКЮ выполняли схожие функции, однако, четкого разделения задач не существовало. 6 февраля 1922 года постановлением ВЦИК была упразднена ВЧК, вместо которой создано Государственное Политическое Управление (ГПУ при НКВД РСФСР). Создание ГПУ не несло в себе структурных и идейных перемен. Сменилась лишь «вывеска», задачи оставались прежними и были направлены, в том числе, на уничтожение Церкви как идеологической основы старой России. В октябре 1922 года произошло слияние аппаратов НКВД и НКЮ с образованием Главного управления местами заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР. Эта организация просуществовала до 1930 года.

В Пензенской губернии организация мест заключения лагерного типа началась с начала 1919 года, когда 15 апреля вышел декрет о лагерях принудительных работ за подписью «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Губернская ЧК одну за другой посылала в Москву телеграммы о предоставлении кредита в не-

сколько сотен тысяч рублей на постройку лагерей. Но Пензенская губерния всегда отставала по части снабжения. 21 мая 1919 года Губзавотуправ Шереметьев в очередной раз писал в верха: «За неимением кредита работы концентрационного лагеря приостановлены. Ожидаем срочного открытия кредита в двести тысяч рублей, иначе лагеря не будут оборудованы»⁴². Отметим, что пензенские лагеря так и не были оборудованы должным образом, что видно из описания пензенского лагеря принудительных работ на Боголюбском порядке.

Лагерь принудительных работ Пензенской ГубЧК располагался на улице Боголюбский порядок, у подножия Поповой горы*. Его территория, на которой стояло три деревянных барака

Тюремная камера

для заключенных, была обнесена колючей проволокой. Стены самих бараков хотя и были деревянными и двойными, но засыпка из опилок наполовину осела, доски стен разошлись, через щели сыпались опилки и дул ветер. В наружных рамах большинство стекол были разбиты. Полы выстланы на земле и наполовину сгнили. Помещения бараков были поделены перегородками на две половины, в каждой из которых стояло по 14–15 нар. Деревянные настилы на нарах также разошлись и были неустойчивы. В потолке на каждую половину устроены отдушины, а печи были неисправными. Комиссия по приемке лагеря оценила его состояние как неудовлетворительное, требующее капитального ремонта. Но лагерь уже действовал и охранялся командой из 20 красноармейцев, которые водили заключенных на различные работы.

* Сейчас это место находится за высоким зданием Пенсионного фонда, на территории Кирпичного завода № 2, через дорогу стоит храм Св. Жен Мироносиц.

Комендант лагеря обращался к властям за материальной помощью, но, получив отказ, лично принялся за устранение недостатков. Однако было уже поздно: среди 100 – 150 заключенных стали появляться больные, один человек умер, а работы по устройству лагеря затянулись на долгое время. Тяжелые условия лагерного пребывания дополнились антисанитарией: водопровода не было, люди по 4 месяца не меняли одежду, так что сами «облазили». Врач с момента открытия лагеря туда не являлся, а фельдшера не было назначено вовсе.

В работах по исправлению условий заключения были задействованы сами заключенные, поэтому на работы вне лагеря отпускали все реже. 20 августа того же года комендант лагеря пишет, что «для заключенных требуется обмундирование, которого в распоряжении лагеря совершенно не имеется. Что же касается обуви, то, наверное, и с таковой обойдемся, так как в лагере имеется лаптежная мастерская и своими силами заготовлено 150 пар лаптей».

В Пензенском лагере принудительных работ на Боголюбском порядке с 1919 по 1920 год отбывали наказание лучшие представители городского духовенства, большинство из них были арестованы 16 декабря 1919 года по делу «О членах Братства православных христиан». Это протоиерей Покровской церкви о. Николай Касаткин, ректор семинарии о. Матфей Архангельский*, бывший полковой священник Михаил Венценосцев, священник Николай Пульхритудов, протодиакон Кафедрального собора о. Василий Смирнов, протоиерей Введенской церкви Андрей Кипарисов, священник села Воронье Мокшанского уезда Алексей Дижонов и другие. Заключенные этого лагеря выполняли в городе самые разные работы, начиная с учета литературы в библиотеке им. Лермонтова и заканчивая постройкой моста через Суру.

Кроме городского лагеря принудительных работ примитивные концентрационные лагеря создавались в уездах. Так, в 1919 году уже существовали лагеря Городищенского** и Нижне-ломовского уездов, заключенные которых жаловались на издевательское к ним отношение со стороны лагерного начальства.

Например, узников отправляли пешком за десять и более километров на один из объектов работы, а когда они достигали

* Протоиерей М. С. Архангельский был приговорен к 2 годам лагерных работ, но по болезни приговор был снят.

** Городищенская колония № 1 была организована в бывшем хуторе Алякса.

нужного места, их сразу же посылали обратно, и весь день проходил в изнурительной ходьбе. Особо грубое обращение заключенные отмечали в Городищенском лагере, где в 1920 году содержалось 100 заключенных⁴³ (лагерь был рассчитан на 120 человек). В марте того же года колония пережила вспышку сыпного тифа⁴⁴. Позднее, в 1929 году, Городищенская колония продолжила свое

Работники советского концлагеря

существование в качестве филиала Кузнецкого исправительно-трудового дома⁴⁵. Нижнеломовский и Чембарский ИТД в 1930 году уже не существовали⁴⁶.

15 мая 1919 года на базе Чуфаровского Свято-Троицкого монастыря была организована сельскохозяйственная колония, куда из упраздненной Саранской тюрьмы перевели 23 человека. На момент захвата монастыря в нем проживало 238 сестер, что было крайне нежелательно для новой тюрьмы. Монахини посещали действующую церковь, проводили с заключенными беседы на религиозные темы. Иногда их действия заканчивались арестом. Сначала насельниц хотели привлечь к труду, но потом решили сделать своеобразный обмен: 200 чуфаровских монахинь подселить к сестрам в соседний Куриловский монастырь, а из последнего весь движимый и недвижимый инвентарь изъять в пользу колонии⁴⁷.

Первоначально Чуфаровская колония была организована как место для выполнения заключенными принудительных работ без лишения свободы и рассчитана на 250–300 человек. В колонии пытались устроить театр, и даже выписать артиста Евдокимова из села Пушкино Саранского уезда, но начальство средств не выделило⁴⁸. Напротив, 23 сентября 1920 года заведомо юстиции Пензенского Губисполкома Балин решил навести в колонии надлежащий порядок, для чего: 1) снести церковь; 2) убрать из всех помещений иконы; 3) обтянуть территорию колючей проволокой; 4) ввести надлежащий внутренний порядок и дисциплину среди заключенных и, наконец, 11 пунктом – удалить из колонии монахинь в Куриловский монастырь, а тех, кто владеют ремеслами – оставить. В это же время на должность помощника заведующего был назначен судебный следователь Рейшах Рит⁴⁹. К весне 1922 года все имущество и постройки Чуфаровского Свято-Троицкого монастыря, отобранные в пользу колонии в 1920 году, пришли в безобразный вид. Постройки были разломаны, сад запущен, изгородь сломана, инвентарь и машины разбиты. Однако при тюрьме еще существовала Чуфаровская религиозная трудовая община. Монахиня Мария просила начальство тюрьмы отдать общине отобранное имущество (лошадей, пасеку и мед), но безрезультатно⁵⁰. Трудовая колония на территории Свято-Троицкого монастыря превращалась в жестокий следственный изолятор, через который в ближайшие годы пройдут многие священники и монахи Мордовии; многие из них обретут здесь свое последнее пристанище.

В Керенске тюрьма, рассчитанная на 70 человек, действовала еще до революции, имела тюремную церковь. В 1920 году в ней содержалось до 50 человек заключенных. В 1922 году церковное имущество передали в Успенский собор, духовенство которого было готово поддержать григорианцев Высшего Временного Церковного Совета (ВВЦС).

Но основным узилищем оставалась Пензенская губернская тюрьма. Она была рассчитана на 559 человек, но в первые годы советской власти часто содержала до 1000 узников⁵¹. О внутреннем настрое заключенных Пензенской тюрьмы сам ее начальник пишет так: «Они быстро впадают в тоску, беспросветность. Одни грубеют, озлобляются, развивают в себе физические пороки, другие безвозвратно тухнут. В их психике тюрьма является каменным гробом. Их действия, разговор становятся нервнее, злобнее, мысль работает в одном направлении, как бы изыскать способ ос-

вободиться...»⁵². В тюрьме царила страшная антисанитария. Из-за отсутствия топлива бани топились крайне редко – раз в месяц или в два. заключенные страдали от грязи и вшей⁵³. В 1920 году в тюрьме вспыхнула эпидемия тифа: только в марте было отмечено 31 случай сыпного и 15 – возвратного тифа. В общем, на 1920 год в местах заключения Пензенской губернии было зарегистрировано 120 случаев сыпного и 56 – возвратного тифа⁵⁴.

За первое полугодие в 1920 году в четырех основных тюрьмах Пензенской губернии* содержалось до 6000 тысяч человек, среди которых были приговоренные к расстрелу, осужденные на 20 и более лет заключения в концлагерь. Основной проблемой в тюрьмах молодой республики стала проблема питания. Норма

Корпус Пензенской губернской тюрьмы

пайка была слишком недостаточной для поддержания обычного состояния; наблюдались случаи сильного истощения. Кроме того, видимо, для «особо опасных преступников» предусматри-

* К ним относятся Пензенская губернская тюрьма, Чуфаровская колония, Городищенская колония и Керенская тюрьма, остальные были закрыты или находились в стадии закрытия по причине несоответствия условий.

ввалась голодная норма питания, сниженная на 25% от основной. Часть заключенных по приговору была лишена права в течение 3–5 лет получать передачу. «Суровость такого наказания, – пишет в очередном отчете сам начальник карательного отдела, – является исключительно тяжелой для заключенного ввиду общей недостаточности тюремного питания. Без передачи заключенный быстро слабеет, развивается острое малокровие и он становится элементом весьма восприимчивым ко всякого рода заболеваниям и в особенности эпидемическим»⁵⁵. Заключенные постоянно обращаются к тюремному начальству с просьбами об увеличении пайка, особенно те, которые заняты на тяжелых принудительных работах, в частности, женщины, исполняющие нелегкий труд по стирке белья для арестантов.

«В деятельности Пензенской тюрьмы, – говорит начальник, – часто приходится сталкиваться с вопросом о пересыльных арестованных. Вопрос об этапе на большие расстояния следования обстоит удовлетворительно, что же касается приема заключенных на промежуточных станциях, то в этом отношении необходимо обратить серьезное внимание уездных конвойных команд на более аккуратную приемку арестованных на промежуточных станциях. Бывают случаи, что заключенные провозились мимо мест назначения по несколько раз за неявкой уездного конвоя на станции. Такой порядок вещей, при котором пересыльные по целым месяцам не могут достигнуть места назначения, следует считать весьма нежелательным»⁵⁶.